

В деревне Дунпин главенствовали два рода: Гу и Чжао.

Наставник, обучавший Гу Чжао, носил фамилию Чжао и приходился дальним родственником нынешнему старосте Дунпина. Благодаря учёной степени он имел право на освобождение от налогов для пятидесяти му земли. Сельское начальство записало тридцать му своих угодий на имя учителя, чтобы не платить в казну лишнего.

У Учителя Чжао были сын и дочь. Дочь давно вышла замуж, а сын, хоть и пытался грызть гранит науки, талантами не блистал. В итоге учитель оставил бесплодные попытки выучить наследника и теперь всю душу вкладывал в единственного внука.

— Когда я был младше, мы учились вместе с его сыном, — рассказывал Гу Чжао, пока они с Чжоучжоу неспешно шли по заснеженной дороге. — Тот был старше меня на восемь лет, но едва-едва сдал экзамен на звание Туншэна. А когда я впервые отправился на уездные испытания, он и вовсе бросил учёбу.

Молодой учёный крепко держал супруга за руку. Из-за сугробов шаг их был медленным, что позволяло спокойно обсудить предстоящий визит.

— У Учителя Чжао всего десять му земли. За ними присматривает его сын, Чжао Мин. Этого хватает, чтобы прокормить семью, но на всё остальное идут деньги, которые наставник получает за уроки. Только теперь он стареет, и в деревне всё реже отдают детей к нему в учение.

— Значит, муж мой стал Туншэном уже в десять лет? — быстро подсчитал Ли Чжоучжоу.

Его спутник подтвердил это коротким кивком. В те годы он наделал немало шума в деревне — его величали маленьким гением, и слава о нём гремела по всей округе. Возможно, именно это его и сгубило: уверовав в свою исключительность, прежний Гу Чжао забросил книги.

Дом учителя стоял на отшибе, в тихом и уединённом месте. Гу Чжао, не желая лишних расспросов у деревенских ворот, повёл Чжоучжоу кружным путём через поля, чтобы выйти прямо к нужной калитке.

Жилище наставника с виду мало чем отличалось от соседских домов. Те же глиняные стены, те же чёрные деревянные ворота. Разве что на створках красовались свежие парные надписи: на красной бумаге старательно выведены чёрные иероглифы. Почерк был чересчур аккуратным и немного скованным — должно быть, писал восьмилетний внук старика.

Гу Чжао постучал. Изнутри донёсся женский голос:

— Кто там?

— Шинян, это я, Гу Чжао.

Послышались быстрые шаги, и калитка со скрипом распахнулась. На пороге стояла женщина с аккуратно уложенными волосами, в которые была вколота серебряная шпилька. Вид она имела опрятный и дельный.

— Чжао'эр! — радостно воскликнула она, увидев гостя, но тут же перевела взгляд на его спутника.

— Это Ли Чжоучжоу, — представил его муж. — Моя жена.

Несмотря на то что Чжоучжоу был гэ'эром, в официальной обстановке тот назвал его женой, выказывая тем самым глубокое уважение.

Госпожа Чжао мгновенно всё поняла. Она тепло улыбнулась и пригласила их в дом. Ли Чжоучжоу заметно нервничал. Супруг предупредил, что наставник — человек суровый, зато его жена слыла женщиной доброй. Так оно и оказалось.

— Почтение Шинян, — вежливо поклонился Чжоучжоу.

— Проходите, проходите. Ну зачем же вы столько всего принесли? Прямо неловко, — запрочитала госпожа Чжао, впрочем, не отказываясь от подношений.

Она унесла корзину на кухню и вскоре вернулась с чайником и чашками.

Спустя минуту в залу вышел Учитель Чжао. Мужчине было за пятьдесят, он был худ и держался очень прямо. На нём был чистый, но изрядно застиранный халат на вате. Суровое лицо с высокими скулами и впалыми щеками не выражало никаких эмоций.

При виде него Ли Чжоучжоу невольно сжался от робости.

Гу Чжао поприветствовал учителя, гэ'эр последовал его примеру. Учитель Чжао даже не взглянул на гостя, сразу обратившись к бывшему ученику с вопросом: зачем, мол, пожаловали? Гу Чжао прекрасно знал характер своего наставника — тот был упрям и крайне консервативен. Старик презирал тех, кто шёл в мужья-зятя, считая, что такой поступок позорит звание учёного.

Однако, как бы наставник Чжао ни хмурился, жить на что-то было нужно. Урожая с десяти му едва хватало шести рта, а всё остальное держалось на птице да свиньях, которых растили жена и невестка. К тому же учитель всё ещё грезил о чиновничьей карьере — не для себя, так

для внука, в которого вкладывал все надежды. А учёба требовала немалых денег.

Гу Чжао начал с поздравлений к празднику. Лицо учителя потемнело, он уже открыл было рот, чтобы возразить, но госпожа Чжао вовремя кашлянула, предлагая гостям чаю. Она вскользь упомянула, что Гу Чжао принёс мясо, сахар и вино, тонко намекнув на щедрость бывшего ученика.

Учитель Чжао проглотил готовые сорваться с языка резкости.

Госпожа Чжао умела держать мужа в ежовых рукавицах. Гу Чжао про себя усмехнулся, но внешне оставался предельно серьёзным. Он отвесил глубокий поклон и изложил просьбу: хочет продолжать учёбу и просит совета в науках. Поскольку теперь он живёт в Сипине, он просил разрешения привозить накопившиеся вопросы раз в месяц. За это он обещал платить по прежней ставке — один лян серебра в год.

— Вот и славно, — тут же согласилась госпожа Чжао. — Комнаты у нас пустуют, будешь приезжать — составишь компанию нашему Цзэ'эру. Спрашивай о чём хочешь.

Гу Чжао не заставил себя ждать и достал заветную тетрадь с вопросами.

— Не будем вам мешать, — госпожа Чжао поманила Чжоучжоу за собой. — Как заговорят о науках, так это надолго. Пойдём лучше на кухню, там теплее.

Ли Чжоучжоу последовал за ней. Хозяйка оставила кухонную дверь распахнутой настежь: хоть гость и был гэ'эром, но всё же мужчиной, и приличия следовало соблюдать.

Беседа затянулась до самого полудня. Ли Чжоучжоу проголодался, но постеснялся просить еды, спасаясь лишь горячей водой. Только к вечеру, когда тени стали длиннее, муж вышел из залы, почтительно кланяясь наставнику.

Госпожа Чжао тут же поднялась:

— Закончили? Ну, тогда я вас провожу. Ступайте осторожно, на дорогах нынче скользко.

Когда супруги покинули двор и отошли на приличное расстояние, Ли Чжоучжоу наконец не выдержал. Его так и подмывало спросить о странностях хозяев, а потому он лишь заботливо поинтересовался:

— Проголодался, муж мой?

— Ещё как, — Гу Чжао коснулся живота супруга и, почувствовав, что тот совсем пустой, усмехнулся. — Я ещё в полдень кушать захотел. И у учителя в животе так заурчало — я всё слышал.

Чжоучжоу ахнул:

— Как же так? Неужто они сами голодными сидят и гостей не кормят?

На кухне-то вода горячая всегда была, госпожа Чжао только успевала подливать. Видать, водой и сыты.

— Не знаю, как они живут сейчас, — ответил Гу Чжао, выживая из памяти старые воспоминания, — но за все годы, что я учился у него с шести лет, я ни разу не съел в этом доме ни кусочка. Помню, как-то учитель наказал меня — заставил переписывать книгу. Я тогда только-только стал Туншэном, заважничал, ну и решил позлить его: писал медленно, нарочно тянул время. Уже смеркалось, наставник от голода места себе не находил, в конце концов махнул рукой и велел приходить завтра.

Он хмыкнул:

— Я ещё со двора не вышел, а слышу, как он у жены спрашивает: «Нет ли хоть кусочка лепёшки червячка заморить?»

У Ли Чжоучжоу глаза на лоб полезли:

— Неужто весь день голодом морился?

— Утром-то он наверняка ел, но полдня точно продержался.

Чжоучжоу не выдержал и, убедившись, что вокруг никого нет, прошептал:

— Почему же они потихоньку не поели? Неужто из-за гостя готовы голодать?

В деревне к еде относились бережно. Если кто заглядывал не вовремя, хозяева могли и вовсе за стол не звать. Чжоучжоу это знал и никогда не обижался. Сам он старался в обеденное время к людям не соваться: спросит что нужно и бегом домой.

Но сегодня-то дело было иное! Они пришли с богатыми дарами. Взять хотя бы недавний визит семьи гончара: люди принесли подарки, и их непременно следовало удержать к обеду. Иначе по деревне поползут слухи о скупости.

— Если еду не готовили — значит, учитель Чжао в полдень не ест, — рассудил Гу Чжао. — А если бы готовили и ели втихаря — это бы уже неуважением пахло, будто от гостя прячутся. Впрочем, — добавил он, — я как-то раз видел, как невестка потихоньку внука подкармливала. Дитя-то голодом морить негоже.

Ли Чжоучжоу только головой покачал.

— Госпожа Чжао показалась мне такой приветливой, а на деле...

Гу Чжао сжал руку мужа:

— Все мы люди, Чжоучжоу. Хоть у учителя и есть степень, он такой же сельчанин, как и мы. Так что не робей перед ними — у нас в доме порядки куда как достойнее.

Чжоучжоу с того самого момента, как узнал о визите, места себе не находил от волнения. Страх перед «учёным мужем» сидел в нём глубоко. Но теперь, узнав про урчащие животы и скупость, он немного успокоился.

— И всё же, — попытался оправдать их гэ'эр, но живот его предательски заурчал. — В следующий раз, как соберёшься к нему, обязательно плотно поешь. А нет — так я тебе с собой еды соберу.

Супруг с улыбкой согласился. Хотя он знал, что перекусить у учителя не удастся: наставник Чжао был до крайности щепетилен в вопросах этикета. Обсуждать науки и жевать при этом — для него вещь немыслимая.

Что же касается платы в один лян, то Чжоучжоу, сравнив её с тремя лянями в городе, решил, что это дёшево, и даже испугался — а ну как учитель за такие деньги учить не захочет? И убедил мужа примером тётушки Ван и её печки.

— Если бы тётушка Ван не знала, что наши печи по двадцать вэней идут, она бы и тридцать отдала, — рассуждал он.

— Твоя правда, Чжоучжоу.

Домой они вернулись уже в сумерках. Ли Да сидел в зале у огня, лениво щёлкая арахис.

Ли Чжоучжоу принялся за праздничный ужин. Гу Чжао отправился на кухню помогать. Мясные шарики, жареная птица и хворост были заготовлены заранее, а цзяоцзы с капустой и мясом Чжоучжоу налепил ещё утром.

— Чжоучжоу, там в кадке три белых амура, приготовь одного, — крикнул Ли Да.

— Слушаюсь, отец!

Рыбу Ли Да сегодня выменял на мясо — кто-то из деревенских смельчаков наловил целое ведро. Амуры были жирные, фунта по четыре каждый.

Чжоучжоу выбрал самого крупного, оглушил его и принялся ловко чистить. Руки его быстро покрылись чешуёй, и он привычно попросил:

— Муж мой, зачерпни водицы, сполосни мне руки.

— Сейчас, — Гу Чжао, закатав рукава, взялся за ковш.

Рыбу решили тушить в соевой пасте. Чжоучжоу сделал надрезы на боках амура, раскалил вок, обжарил его с имбирём, а затем добавил щедрю ложку пасты из жёлтых бобов. Залил всё холодной водой и положил туда же нарезанный крупными кубиками замороженный тофу.

Вскоре по кухне поплыл дивный аромат.

— Муж мой, убавь огонь.

Тот послушно вытянул лишнее полено из печи.

Пока рыба томилась, Чжоучжоу отварил в зале цзяоцзы. К тому времени и мясные шарики, и птица согрелись, а амур пропитался соком — тофу стал пористым, впитав в себя весь вкус подливы. Гу Чжао просто обожал такое блюдо.

В зале было жарко от печи, ворота наглухо закрыты — семья из трёх человек встречала Новый год. После долгой зимы, проведённой на редьке да капусте, стол казался верхом изобилия.

Но прежде чем сесть за еду, нужно было соблюсти обряд.

Гу Чжао и Ли Чжоучжоу опустились на колени перед Ли Да. Супруги отвесили три поклона, поздравляя главу семьи. Гу Чжао сыпал пожеланиями здоровья, долголетия и процветания.

— Желаю отцу крепкого здоровья, — искренне добавил Чжоучжоу.

Ли Да довольно заулыбался. Он достал два красных конверта с деньгами и вручил каждому.

После поздравлений приступили к трапезе. Ли Да первым взял палочки, мигом отправив в рот крупный, похожий на слиток золота цзяоцзы. Мясо и рыба таяли во рту, и только капуста осталась почти нетронутой. Гу Чжао хотел было оставить её на завтра, но супруг покачал головой:

— Муж мой, еду с новогоднего стола нельзя оставлять на следующий год. Мы её позже, пока будем бодрствовать, доедим.

Миску с капустой просто накрыли другой чашей и оставили на столе.

Убрав посуду и умывшись горячей водой, ложиться спать не стали — полагалось оберегать год, бодрствуя до рассвета.

Гу Чжао спохватился:

— Это что же, я зря наряжался?

Ли Чжоучжоу, уже и позабывший об утреннем обещании, замер. Лицо его тут же залило краской.

— Я... я ведь не соглашался.

— Ну, значит, это я такой бесстыдник — хочу с тобой побаловаться, — Гу Чжао прильнул к супругу, благо на кухне они были одни.

Чжоучжоу чувствовал, как пылают его щёки, но в конце концов тихо выдохнул: «Я тоже хочу». В его глазах муж вовсе не был бесстыдником.

Бодрствование в новогоднюю ночь — дело непростое. В зале горела масляная лампа, они сидели у огня, грызли семечки. Ближе к полуночи они доели ту самую капусту.

Вскоре из одного двора донёсся треск хлопушек, и его тут же подхватили по всей округе.

Ли Да тоже вышел во двор запустить петарды. Глядя на вспышки, он загадал одно: пусть в новом году небо пошлёт Чжоучжоу и Гу Чжао здорового сынишку. А потом подумал и добавил: «Да хоть дочку, хоть гэ'эра, лишь бы здоровым был и на Чжоучжоу походил».

Вернувшись в дом, он увидел, как Гу Чжао заботливо чистит арахис для своего супруга. Ли Да отвернулся, делая вид, что не замечает, как зять, передавая орешек, невзначай коснулся руки сына.

Ближе к утру сон стал одолевать. Гу Чжао с трудом протёр глаза. Ли Чжоучжоу, заметив это, прошептал:

— Устал, муж мой? Прислонись ко мне, вздремни немного.

— Но ведь спать нельзя?

— Пока на кан не легли — не считается.

Молодой человек положил голову на плечо супруга, но сон прогнал.

— Давай поговорим, так я не усну.

И сам заговорил о планах: после праздника Фонарей он собирается посещать учителя по первым, третьим и пятым числам. Будет учиться у него утром, а после обеда заниматься дома.

— На праздники будем возить подарки, но не такие щедрые, как вчера.

Ли Чжоучжоу во всём соглашался.

Они проговорили до самых первых петухов. Гу Чжао то и дело зевал, а Чжоучжоу рассказывал, что нужно сделать по хозяйству: первого числа нож в руки брать нельзя, так что будут есть заготовленные цзяоцзы. А потроха нужно будет приготовить как можно скорее.

— Потушим в ароматном маринаде? — спросил Гу Чжао, и у него от одной мысли о таком мясе слюнки потекли.

— В маринаде? Это как рыбу в соевой пасте? — не понял Чжоучжоу.

— Нет, я о другом... — муж вспомнил, что здесь о подобных пряностях слухом не слыхивали. — Как весна придёт, ходим в город, заглянем в аптеку.

Бадьян, корица, лавровый лист — всё это наверняка продавалось у лекарей как снадобья.

Вскоре Гу Чжао всё же задремал на плече супруга. Когда он проснулся, Чжоучжоу и отец всё так же сидели у огня. Он потянулся и принялся разминать плечи жены:

— Устал? Затекло всё? Дай я разомну.

Ли Чжоучжоу смутился — ведь отец рядом! Ли Да только хмыкнул и отвернулся.

С первым криком петуха бодрствование закончилось. Наступил новый год. Гу Чжао первым поздравил домочадцев. Чжоучжоу хотел было идти варить цзяоцзы, но муж удержал его за руку — мол, спать хочу.

Ли Да махнул рукой:

— Идите, прилягте. Завтрак подождёт.

В спальне Гу Чжао тут же обвил Чжоучжоу руками.

— Поспи со мной, а то я не засну... — промурлыкал он. — В постели так холодно...

Сердце Ли Чжоучжоу дрогнуло: «Хорошо, муж мой, посплю».

Однако на кане всё пошло не по плану. Гу Чжао в своём синем халате, с рассыпанными по плечам волосами, выглядел так маняще, что у Чжоучжоу перехватило дыхание.

— Чжоучжоу, — прошептал муж, глядя на него сияющими глазами, — не хочешь ли ты сам развязать мой пояс?

Сон как рукой сняло. Ли Чжоучжоу вспыхнул, глядя, как прекрасный супруг послушно замер в его руках.

Пояс был развязан. В то утро они наконец довели до конца то, что не успели в прошлом году.

Проснулись они только к полудню. Ли Чжоучжоу одевался медленно, чувствуя непривычную ломоту в пояснице. Весь остаток дня они провели в ленивом покое.

Второго числа настала пора визитов к родне. Госпожа Тянь из дома Чжанов, нагрузив корзину сахаром да яйцами, нарочито выставляла её напоказ. Ли Чжоучжоу и Гу Чжао тоже собирались нанести визит.

— Возьмём немного сладостей да орехов, и хватит, — предложил муж.

Чжоучжоу засомневался:

— Но как же так? Совсем без мяса? Нехорошо выйдет...

— Она и так наши потроха за обе щеки уплетала, — отрезал Гу Чжао. Видя, что супруг колеблется, он прильнул к нему: — Чжоучжоу, ну послушай меня...

И дело было не в скупости. Гу Чжао знал свою мачеху: дай ей палец — всю руку откусит. Стоит один раз принести богатый дар, и Ли Гуйхуа уже не отстанет. К тому же она ведь скоро родить должна. А как родит — так подавай ей на прокорм...

С такими людьми нужно было держать ухо востро. Восемнадцать лянней выкупа она уже прибрала к рукам, так что в её бедность никто в деревне не верил.

В итоге Ли Чжоучжоу согласился. Взяли цукатов, семечек, немного сладостей да охапку тех самых потрохов.

— Так сойдёт, муж мой?

Гу Чжао едва сдерживал смех:

— В самый раз. Матушка ведь так любит потроха.

В доме Гу в Дунпине Ли Гуйхуа, тяжело дыша, сидела на кане. Она уже предвкушала, как пасынок принесёт мясо, сахар и доброе вино.

— Матушка, брат с Чжоучжоу пришли! — крикнул Хэ-тоу.

Ли Гуйхуа, кряхтя, поднялась. Свинью они в этом году не забивали, надеялись на подарки. Сахар она и вовсе планировала приберечь для себя, чтобы после родов силы восстанавливать.

Она вышла встречать гостей, первым делом заглядывая в руки Ли Чжоучжоу. Только корзинка? А где же мясо?

— С Новым годом, матушка! — весело поздоровался Гу Чжао.

Ли Гуйхуа выдавила ответную улыбку:

— Проходите, деточки. Замёрзли небось? — Она потянулась за корзинкой.

Ли Чжоучжоу послушно передал ношу тётце. Та заглянула внутрь: горсть конфет, семечки, арахис, цукаты да мёрзлые потроха.

И всё? А где мясо?

Улыбка мгновенно исчезла с лица мачехи.

— Мы знаем, как вам тяжело в тягости, — елеиным голосом продолжал Гу Чжао. — Не хотим вас утруждать готовкой, так что задерживаться не станем. Отец говорил, вы потроха любите — вот, специально для вас принесли. Отдохните лучше, не надрывайтесь.

Ли Гуйхуа только и смогла, что рот открыть. Супруги не остались даже на чай — поздравили и сразу ушли. Четвёртый Гу, вернувшись с прогулки, даже бровью не повёл: он и сам не раз говорил сыну, чтобы тот пореже глаза мозолил.

— Глянь только, что принесли! Одни обрезки! — возмущалась Ли Гуйхуа, когда муж вернулся.
— Кто ж на Новый год с потрохами ходит?

Четвёртому Гу надоело слушать её причитания:

— Сама же говорила, что они вкусные. Что теперь-то не так?

Ли Гуйхуа продолжала ворчать, пока муж не рявкнул, что если ей мало — пусть берёт те самые восемнадцать ляней и идёт на рынок за лучшим куском. На этом она и затихла.

Третьего числа в дом Ли пришёл Син-гэ'эр с мужем и маленьким Юаньюанем. Раньше, когда Син ещё не был замужем, его мать Лю Хуасян всегда ворчала: мол, раз семьи разделились, так и ходить нечего.

Син тогда был мал и спорить не смел. Но, выйдя замуж, он первым делом наносил визит родне второго числа, а третьего — неизменно шёл к Ли Да. Прошлый год он пропустил из-за родов, и мать за это его знатно попрекала — дескать, не о тех печёшься.

Син-гэ'эр знал характер матери и все нападки переводил на свекровь: мол, в семье Ван так заведено.

В этот раз мать снова завела старую песню:

— Зачем ты к ним таскаешься? Ли Да тебе кто? Лучше бы брату своему Гуанцзуну сладостей принёс!

Син не выдержал и отрезал:

— Я к дяде хожу потому, что если бы не Чжоучжоу и его лекарства, я бы, может, и до свадьбы не дожил.

Лю Хуасян на мгновение замолчала, а потом разразилась слезами — мол, я мать, я тебя растила, а ты за пару корешков готов про всё забыть... С тех пор отношения между домами и вовсе разладились, и Лю Хуасян даже на свадьбу Чжоучжоу пришла лишь как холодная гостья, ни в чём не помогая.

<http://bllate.org/book/15349/1420150>